

18+

ЕЛЕНА ГОГОЛЬ

Продлённый призрак бытия

Елена Гоголь

Продлённый призрак бытия

«Издательские решения»

Гоголь Е.

Продлённый призрак бытия / Е. Гоголь — «Издательские решения»,

Сборник «Продлённый призрак бытия» можно смело отнести к жанру летописи. Разница лишь в том, что в повествовании отсутствует хронологическая последовательность. Ну, и ещё, пожалуй, в субъективном взгляде на события, свидетелем и участником которых был автор. Читателю, ступившему на палубу его яхты — непременно яхты! — ничего другого не остаётся, как плыть... плыть... «по волне памяти», улыбаясь и вздыхая от полноты чувств. Оторваться невозможно, как невозможно сойти — яхта уже в открытом море.

© Гоголь Е.

© Издательские решения

Содержание

СТУДЕНЧЕСКОЕ	6
Новый факультет	7
Не укради...	9
Forever and ever	10
Фантазёр	11
И «марлен», и ислам	13
Ходят слухи по домам...	14
МОИ КАМОРКИ	15
Мышка	16
Крошки от пирожного	17
Уютный диванчик	18
Палата №6	19
Крокодилы и муравьи	20
МЖК	21
«Выборгская жизнь»	22
Почтальоны	23
Гоголь и Пушкина	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Продлённый призрак бытия

Елена Гоголь

*...продлённый призрак бытия
синеет за чертой страницы,
как завтрашние облака, —
и не кончается строка.
/В. Набоков/*

Редактор Марина Важова

Корректор Лилия Комякова

Фотограф Екатерина Арсланова

© Елена Гоголь, 2026

© Екатерина Арсланова, фотографии, 2026

ISBN 978-5-0070-0379-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СТУДЕНЧЕСКОЕ

Когда я впервые приехала в Ленинград, больше всего меня поразила Нева. Такой бескрайней воды я прежде никогда не видела и такой красоты тоже. Мне очень захотелось остаться здесь, и мучительной была мысль, что, если не поступлю учиться, придется с этим городом расстаться.

Университет... Обветшалые здания некогда петровских Двенадцати коллегий. Светло-зеленый фасад филфака и кирпичный торец главного корпуса требовали ремонта. Затоптанные полы... Тёмные прокуренные коридоры... И всё-таки это был Университет. Старинная его затхлость имела свою неповторимую прелесть.

Новый факультет

Факультет журналистики в тот самый год, когда мы поступали, отделился от филфака и начал самостоятельное существование, разместившись в сером шестиэтажном здании бывшей школы на Съездовской линии (сейчас Кадетской). С одной стороны, был плюс: мы приобрели много светлых просторных аудиторий, специально оборудованных лингафонных кабинетов. Но теперь факультет журналистики как-то обострил свою сущность партийного заведения, потерялся аромат атмосферы, царившей на филологическом. А поскольку журналистика не наука, то и преподавательские кадры нам доставались не самые лучшие.

Главный упор шёл на марксистско-ленинское учение о печати — «марлен», как сокращённо мы его называли. В этом направлении противоборствовали две школы: ленинградская и московская. Ленинградскую представлял профессор Сергей Васильевич Смирнов, а московскую — профессор Прохоров из МГУ. И не дай Бог, на экзамене привести прохоровскую трактовку темы! Два балла были обеспечены. И на это тратились чьи-то жизни... Тогда же мне глубоко плевать было на обе школы вместе (впрочем, как и многим моим однокурсникам тоже). Занимало одно: на экзамене по «марлену» нужно было получить «4» или «5», чтобы не лишиться из-за него стипендии. Стипендия нужна была всем.

Контингент студентов-журналистов, как я теперь осознаю, (тогда мне, 18-летней и наивной, это не приходило в голову) делился на две половины. Первую составляли те, кто пришёл сюда сознательно и целенаправленно. Многие из них к тому времени состояли в партии, и дипломные корочки для них представляли собой надёжную ступеньку карьеры. Во вторую же половину входили либо юные романтики, типа меня, либо вообще случайные люди, чья судьба впоследствии разметала по городам и весям, а журналистика так и не стала делом их жизни.

Естественно, что партийную псевдонауку мы воспринимали как скучную необходимость, а духовную пищу стали искать на стороне. На филфаке, например. В то время там блистали такие литературные корифеи, как Макогоненко, Маркович, Бялый, Муратов. Послушать мэтров вечером, после занятий, собиралась полная аудитория филологов, к которым присоединялись и мы, будущие журналисты. Мест свободных не было, поэтому каждый искал для себя стул, с ним и приходил в аудиторию.

Макогоненко читал о Пушкине и выглядел таким вальяжным светским львом: в неизменном белом жабо, с сигарой в руке. Он был больше артист, чем литературовед. Бялый исследовал творчество Достоевского, поднимая глубинные его пласты. Седой, маленький и плотный, он мало заботился о внешних эффектах, докапывался до сути и мудрствовал. Литературным новатором выступал Маркович. Самый молодой из корифеев, он смело парировал и неожиданно мыслил. Юноши-филологи спешно строчили в конспектах, юные филологини же обожали его до сердечного трепета. Вечерние лекции на филфаке были лучше любого театра.

Наши философские разговоры частенько продолжались в кафе «Сфинкс», по соседству с журфаком. Приглушённый свет и чашечка кофе создавали подходящую атмосферу. Вообще, как я теперь понимаю, очень не доставало изящества мысли, тона, обстановки, высокого вкуса настоящей Культуры, которую в своё время начала убивать русская революция, добила сталинский режим и война.

В юности меня мучило ощущение того, что я не знаю, как жить. Предчувствие, что есть, есть НАСТОЯЩЕЕ, ВЕЧНОЕ, томило меня, но выхода не находило. Я пыталась отыскать ответ в книгах, рано начав читать классиков, в музыке. Безумно хотелось приобщиться к тайне Бытия, постичь его смысл. Иначе — зачем всё? Может быть, поэтому столь неудержимой была тяга к неординарной личности, к старшим. Мне казалось, они знают. Мои родители

были хорошими, честными людьми. Жили по совести. Это очень важно! Но для меня этого было недостаточно.

Не укради...

На первом же курсовом собрании в начале учебного года разбирался вопрос... о воровстве. Студент Боря Шумаков украл с прилавка гастронома окорок. Мы тогда ещё не успели как следует познакомиться друг с другом, Бориса мало знали. Я его таким и запомнила: розоволицый соломенный блондин, невнятно что-то лепечущий в своё оправдание. По его словам, он ставил эксперимент — хотел узнать, ЧТО чувствует вор, когда совершает своё тёмное дело. В общем, как бы «журналист меняет профессию».

Но Бориса постигла неудача: «не поняли» начинающего журналиста работники сферы торговли. Схватили за руку и претензию послали прямёхонько на факультет. Не захотело «понять» его и руководство учебного заведения. Бориса тут же исключили из Университета.

Одно из общежитий Университета располагалось в Старом Петергофе и соседствовало с немногими типовыми пятиэтажками. Вокруг было много частной застройки. По виду Старый Петергоф напоминал сельское поселение — с заросшим травой берегом залива, лесочком и огородами вдоль его полосы. Летом нам было раздолье — бегали по вечерам до Нового Петергофа и обратно, купались, загорали. Когда же наступала осень, кое-кто из бедных студентов не терялся. Купив в ближайшем гастрономе селёдочку, наведывался на бабушкин огород за молодой картошечкой, лучком.

А наш однокурсник Дима Дунаев пошёл ещё дальше: он придумал способ, как лакомиться клубникой. С раннего утра, прихватив мелкий инвентарь и обвязав голову косынкой, он приходил на грядки и изображал из себя прилежного огородника. Со стороны казалось, что прополоть клубничные грядки пришёл хозяин.

Местные об этом прознали. Бытовал даже такой анекдот. Встретившись поутру на грядках и заметив там беспорядок, одна из бабушек-огородниц высказывала предположение: «Видать, студенты вечером наведывались!...». На что вторая бабуля замечала: «Да нет! Следы-то человечьи...».

Forever and ever

На Новоизмайловском проспекте устремляются ввысь одиннадцать многоэтажных корпусов. Все одинаковые, цвета небесной лазури. Это — общежития разных ВУЗов. Студенческий городок. Университету принадлежал одиннадцатый корпус.

И вот весна. Все окна нараспашку. Слышится перезвон трамваев. Из открытых окон — голос популярного в конце 70-х греческого певца Демиса Руссоса с песней «Forever And Ever» («Вовеки веков»).

А у нас — последний курс. На повестке дня экзамены, защита дипломов. То тут, то там мелькали в раскрытых окнах студенты с учебниками, расположившиеся прямо на подоконниках, поближе к уличному многоголосью, солнышку и свежему ветру.

Руссос пел и пел. Пахло сиренью.

И вдруг в эту весеннюю идиллию диссонансом врывается надрывный плач. Многоголосый. Так странно. Что это? Оказалось, внезапно умер от сердечного приступа студент-негр, и соотечественники горько оплакивали его смерть. Нам тоже стало не по себе. Лишь один человек, наша однокурсница Ирина Семенюта громко возмущалась неожиданным уходом в мир иной этого негритянского парня. Выяснилось, что Ирина печатала ему диплом и вскоре должна была получить за свою работу денежное вознаграждение. А тут — на тебе: умер!.. Девушке стало обидно. А тому негру уже было всё равно. И диплом, и деньги, и песни, и весна...

Фантазёр

До сих пор не могу понять, что же держало тогда наши отношения. Я никогда не была влюблена в него. И дружбой назвать это было трудно.

С Юрой Афанасьевым я познакомилась на первом курсе университета. Помню его высокую, чуть сутулую фигуру в армейской шинели. До бровей натянута коричневая вязаная шапочка. Худощавое лицо чем-то напоминало лик Христа. Только у Христа взгляд мудр и спокоен, а у Юры в глубине карих глаз таились неуверенность и озабоченность. Зябкость какая-то.

Как оказалось, он уже успел соединить в себе две ипостаси: мужа и отца. В Университет пришел после армии. Армия же случилась оттого, что за прогулы выгнали из Горного института, где учились они с женой Наташей. В студенческом общежитии, за ширмочкой, стояла детская кровать дочки Анюты. В конце концов, жена устала от бестолкового папаши и решила, что он им с дочерью вовсе не нужен. Разошлись. Вот оттуда и зябкость, и неприкаянность.

Первый курс учился в Петергофе. Целая компания студентов ездила из Ленинграда в Петергоф. Встречались в электричке — читали, болтали. В синих утренних сумерках по узкой тропинке среди сугробов тянулась тёмная череда человеческих фигур. Вдали маячил новый корпус университета. Шли, как по дороге жизни! Очень часто с Юрой мы оказывались рядом. Он всегда о чём-нибудь увлечённо рассказывал. Я, младшая, слушала. Он рассказывал — я слушала. Если я шла по нашей тропинке впереди, он, обгоняя всех, добирался до меня и рассказывал, рассказывал, рассказывал... Начиная с того места, где прервался раньше. Короче: «она его за муки полюбила, а он её — за состраданье к ним».

Со временем Афанасьев стал всё больше нуждаться в моём обществе. Философские беседы перемежались обычным, житейским: то пуговицу надо было пришить, то рубашу постирать, то погладить. Как-то пожаловался мне:

— Ел сегодня салат из редьки...

— Хорошо, витамины! — поощрила я.

— Так только одна редька, ничего больше!..

Салат из редьки стоил тогда семь копеек. Дешевле ничего не было. Голоден — как не накормить? И кормила, и чаем поила. Чай гонять он любил! Часами мог за чашкой-другой просиживать. И рассказывать, рассказывать...

Мы переходили с одного курса на другой, а отношения оставались прежними. Однажды вечером раздался стук в дверь моей комнаты (тогда мы жили в студгородке на Ново-Измайловском проспекте). Я открыла. На пороге переминалась с ноги на ногу долговязая фигура с мокрым полотенцем на голове. Композиция называлась «дали в глаз». Как лечить фингал, я не знала. Бесплатным советом поделился Макс, студент-болгарин:

— Моя бабушка делала так. На раскалённую сковороду клала лист бумаги. На него выливали яйцо. Оно не должно прожариться — только подогреться. А потом яйцо на листе бумаги — к ушибленному месту...

Раздобыли яйцо, сковороду — не каждый студент имел в своём хозяйстве, у меня, например, её не было. Афанасьев лежал на плоской общежитской койке и стонал. Яйцо покоилось на его благородном лице. Он рассказывал:

— Ну, выпили, завели музыку, я пригласил девушку...

Оказывается, в глаз дали за чужую девушку. Обычная история.

Судьбоносным стал другой сюжет — с английским языком. Трудиться Афанасьев не любил. Иностранный же язык, как известно, требует ну хоть какого-то усердия. Надо учить лексику, корпеть над переводом. Опыт занятий с двоичниками у меня имелся по школе. Ближился экзамен, и нужно было спасать Афанасьева.

— To be to означает долженствование, — вдалбливала я ему. Всё бесполезно. Этот же оборот только в прошедшем времени он упорно не узнавал в тексте. Ну, хоть разбейся!..

За окном дымились весна. Звенели трамваи. Вечерело.

— А давай лучше в театр пойдём! — встрепенулся Юра.

— Билетов нет, и английский учить надо...

— Билеты стрелнём.

В театре Ленсовета давали «Дульсинею Тобосскую». Жаждавшие лишнего билетика дежурили далеко от входа. Нам повезло. Достали два билета. В разных местах, но Афанасьев подсутился и поменял, чтобы сидеть рядом. На мне было шёлковое белое платье. И вечер был белый и тёплый — питерский.

Посмотрели «Дульсинею». Чудная, кстати, была «Дульсинея»! И театр тогда был одним из самых престижных. В его труппе играли Алиса Фрейндлих, Михаил Боярский, Игорь Владимиров.

Домой после таких занятий с Афанасьевым я приходила поздно. В белые ночи идти было не страшно. Я опасалась другого: могла лечь спать Нина Ивановна, хозяйка квартиры, у которой я тогда снимала комнату. Она же имела привычку с вечера на дверь накидывать цепочку, а на ухо себе класть подушку — ни в жисть не достучишься! Перспектива же ночевать на улице — это ого-го!

— До каких пор ты будешь возиться с этим фантазёром? — ворчала Нина Ивановна, открывая мне дверь. — Зря только время на него тратишь...

С тех пор Юрку иначе она и не называла: фантазёр и фантазёр.

На третьем курсе у нас появилась новая англичанка — Анна Аркадьевна Шароградская. Модная молодая дама в тёмных очках и с неизменным термосом кофе в сумке. Её возмущала Афанасьевская лень, и она выдвинула ему ультиматум:

— Либо я ставлю зачёт, и вы уходите на заочное. Либо зачёта вам не видать, как своих ушей...

Афанасьев ушёл на заочное. Но продержался там недолго, Университет пришлось бросить. Где-то подрабатывал — то сторожем, то вахтёром. Потом совсем затерялся. Неожиданно вновь возник и сообщил, что поступил во ВГИК на режиссёрский. ВГИК он успешно закончил. Я всё думаю: как он там с английским справлялся?

Прошли годы. Поседевший и потолстевший Афанасьев приезжал к нам в гости. Выпив водочки, он размяк:

— Лена, подумать только: столько лет нашей дружбе!

И действительно, много друзей и просто знакомых растерялось за эти годы. А Афанасьев — вот он. Сидит у меня за столом, вокруг бушует лето, а он рассказывает, рассказывает, рассказывает... А я слушаю, слушаю... Но ловлю себя на мысли, что всё больше скучаю и от этого всё больше раздражаюсь.

И «марлен», и ислам

Вспоминая теперь уже далёкие годы молодости, я осознаю, что выбор профессии был ошибочен. Какая могла быть романтика в журналистике тех лет? А именно она грезилась мне в мои восемнадцать. Зашоренность, обольщение обманом были присущи не только нам, юным, но и родителям — простым советским людям. Слава Богу, что испытать на своей шкуре весь ужас строя, как некоторым нашим соотечественникам, им не пришлось... До конца дней своих и мама, и папа пребывали в состоянии доверия к политике нашего государства, не уставая повторять: «Лишь бы не было войны!..». Её оба в молодости хлебнули по полной.

Внушительным толчком к переменам стала Перестройка 90-х. Развалился Советский Союз, а с ним и партийные карьеры многих. Чему учили нас на родном факультете? Незыблемо верить в правоту коммунистических идеалов. Христианские заповеди как-то незаметно трансформировались в моральный кодекс строителя коммунизма. Верующие люди преследовались.

Всё изменилось в одночасье. Быть верующим вдруг стало не только можно, но даже модно. И так случилось, что бывшие наши выпускники со временем обратились к разным религиозным конфессиям. В православие ушли Нонна Корженкова и Вася Стамов. Люда Мишина стала исповедовать ислам. Я до недавнего времени была замужем за лютеранским пастором, а телеведущая Ирина Черноловская стала вдруг женой израильского раввина.

Я спрашивала Нонну, лучшую свою подругу, как она пришла к вере. «После того, как в моей жизни произошли трагические события, — ответила она, — я поехала на Валаам экскурсоводом. Хотела забыться. Там наблюдала огромную разницу между людьми верующими и обычными туристами. Захотела быть среди первых...». Такой простой, на первый взгляд, ответ, а за ним перемена мировоззрения, сложившихся в стройный порядок ценностей. Потом Нонна закончила духовную семинарию, вела передачу на православном радио, собрала большую библиотеку книг религиозной направленности. Общаясь с ней в последние годы, я видела, что она — истинно верующий человек, а не отдающий дань современной моде.

Вася Стамов продолжает служить священником в православном храме Санкт-Петербурга. У него тоже свой путь к вере. Явно не со времён марксистско-ленинского учения...

На мой вопрос: «почему вдруг мусульманство?», — Люда Мишина ответила так: «Когда мне было трудно, помогали только мусульмане». Она продолжает заниматься журналистикой, много ездит, публикуется. Но как же странно видеть её, бывшую карельскую спортсменку и даже в некоторой степени авантюристку в хиджабе! Люда, ты ли это?..

Лютеранская конфессия — наиболее близка мне по обрядовости, по её прозрачности. Минимум церковного антуража, литургия на понятном языке, глубокая по содержанию проповедь... Православные не считают лютеранство истинным вероисповеданием. Но ведь Бог один и един! И, как мне кажется, слышит всякого, кто обращает к Нему свой голос.

Всех удивила Ирина Черноловская. Она училась на отделении «Радио и телевидение». После окончания Университета работала телеведущей в Казахстане. А в азиатских республиках СССР дело было известное — не забалуешь! И вот на тебе — жена раввина! На выставленном в сетях фото Иру не узнать. Куда делась стройная черноглазая девушка, похожая на порывистую лань? В голубом атласном платье и сложном головном уборе сидит в кресле дородная дама, а рядом раввин в чёрной шляпе, стареющий её супруг, в очках и с выступающим животиком...

Однажды мой муж Владимир, пастор лютеранского собора Петра и Павла в Выборге, предложил мне: «Напиши о том, какими путями люди приходят к вере». Я, было, загорелось этой идеей, но вскоре оставила её. Пути к вере, Богу у всех свои, часто извилистые, сложные. И не каждый захочет о них рассказывать. Да и сделать это порой не так-то просто.

Ходят слухи по домам...

До Люды Мишиной в Петрозаводск донеслась весть: умерла Нонна Корженкова. Люду это очень огорчило. Нонну все любили. Тем более что уже очень многие наши однокурсники ушли в мир иной.

Люда решила, что при случае нужно будет посетить Нонкину могилку, позвонила в Питер бывшей однокурснице Венере Ким и спросила, не знает ли она, где Нонна похоронена. Венера очень удивилась, так как видела на днях Нонну в Питере. Когда же та успела умереть?! Стала набирать знакомый номер. Услышав Нонкин голос, осведомилась:

— Ноник, ты жива?

— Почему бы нет? — удивилась в свою очередь Нонна.

Стали распутывать «клубочек». Оказалось, что Нонна кому-то рассказала о смерти своей мамы, и в искажённом виде весть эта дошла до нашего однокурсника Вадика Трофимова. Тот быстренько поделился ею с Людой, благо, жили и трудились они в одном городе. Люда в свою очередь стала названивать Венере. Ну, а Вадик так опечалился «Нонкиной смертью», что в тот же день круто напился, попал в вытрезвитель и остался без водительских прав.

Потом прошло ещё немного времени, и все мы повстречались в кафе, отмечая сорокалетие выпуска. Были там и Нонна, и Вадик... Нонна потом мне говорила: «В тот вечер я с особой нежностью смотрела на него. Надо же, как бедный Вадик расстроился из-за моей „смерти“!...».

Пару лет спустя после той памятной встречи Вадика не стало.

P.S.

Тексты пишутся, а время бежит. Да, тогда мы все радовались, что весть о Нонкиной кончине оказалась недостоверной. А теперь уже... А теперь уже, спустя годы, Нонны действительно с нами нет... Стоит в ушах её телефонное: «Привет, старушка!.. Как ты там?».

МОИ КАМОРКИ

В пёстрой череде моих рабочих мест находятся, на первый взгляд, и вполне приличные: библиотеки, редакции газет, институт, музей... А вот поди ж ты! Это всегда какая-то каморочка — маленькая комнатка. Вечная каморка, видимо, суждена мне судьбой!

Мышка

После окончания школы я мечтала продолжить учёбу и очень расстроилась, когда не поступила в Университет. Не прошла по конкурсу. Надо было чем-то заполнить свободный год, и папа договорился с директором шпалопропиточного завода, что я буду помогать заводскому художнику в оформлении наглядной агитации. А художником там был Виктор Сорочёнков, мамин ученик, кстати. И было ему ну, лет этак 25—27... Стройный, темноволосый парень. Симпатичный!

Особым шиком наша мастерская не отличалась — это была просто небольшая комната с печкой в углу. Вот не помню, топил ли её кто и когда.

Мы с Виктором работой завалены не были и, можно сказать, в основном били баклуши. Работа подвалила после того, как завод сдал в эксплуатацию новый пятиэтажный жилой дом. Руководство решило украсить балконы гербами советских республик. Как известно, их было пятнадцать.

И вот мы с Витей на огромных фанерных щитах, предварительно загрунтовав их, нарисовали пятнадцать гербов. Со всеми их колосками, рушниками и орнаментами. Долго и кропотливо раскрашивали масляными красками. Оставили до утра сохнуть. И что же увидели утром? По всей поверхности щитов во все стороны разбежались мелкие мышинные следочки — жёлтые, красные, голубые, — разноцветные!.. А из прогрызенных тюбиков, с вечера оставленных на столе, текли краски.

Как оказалось, ночью мышки, выйдя из-за печки, угостились масляным содержанием тюбиков, ещё и порезвились!

Что тут поделаешь? Засели мы с Витей за исправление мышино творчества. Но просто так сдаваться на волю хулиганок Витя не стал. Взял леску, привязал к одному её концу рыболовный крючок с кусочком сала, а другой — к полену и кинул приманку за печь. Сидим, рисуем. Вдруг полено поползло по полу. «Ага! — вскричал мой напарник. — Попалась!» — и начал тянуть за леску.

Бедную мышку Витя вывел за порог нашей каморки и... повёл, как на аркане, по двору — прямёхонько к кабинету директора. Вот, мол, в каких условиях работать приходится! Новую мастерскую давай!

Нам, конечно, ничего не дали, а осенью я поступила в Университет и уехала в Ленинград. Что потом было с Витей, другими заводчанами и запечными обитателями — не знаю.

Крошки от пирожного

В студенчестве многие из нас пытались подрабатывать. Самым простым вариантом было ночное дежурство. Как правило, в своём же Универе.

Вспоминаю тот отрезок моей жизни, как сон — легкость мысли была необыкновенная! В отрицательном смысле, конечно. Вдруг случилась какая-то глупая влюблённость. Лёва Суздальцев... Вот имя запомнилось, а на каком факультете учился — забыла. Невысокий, смуглый, с низким голосом и пушкинской шевелюрой.

Так вот, Лёва этот был, что называется, без царя в голове. Его где-то всё время носило, попадал в передраги. В конце концов, доигрался: в деканат пришла справка из медвытрезвителя. И её надо было каким-то образом оттуда изъять. Родился план: я устраиваюсь работать «сутки через трое» в сторожку главного корпуса и ночью (ночью! о, святая наивность!..) краду её из деканата.

И вот первое моё дежурство. Очередная каморка два на два метра, километровый коридор. Пустой, гулкий... Прохожу его из конца в конец. Погашен свет, скрипит паркет, безмолвны в стенных нишах гипсовые бюсты учёных. Деканат. Закрыт и опечатан. Надежда на кражу справки лопнула, как мыльный пузырь.

А ночь всё длится и длится. Хочется спать. И есть! Ужасно хочется чем-нибудь поживиться. Опять бреду по бесконечному коридору. О, буфет! На переменах здесь всегда толпы студентов, а сейчас... Я замечаю нечто интересное. Пустые деревянные ящики из-под выпечки. Стоят в ряд, прислонившись к стене доньшками, ждут утра. А по углам внизу — целые горсти сладкого крошева. Пирожные распродали и съели, крошки остались.

Я лакомясь ими, выгребая ладонью из закутков. Видели бы меня сейчас однокурсники... и Лёва Суздальцев!

Уютный диванчик

Следующей моей служебной каморкой стала «дежурка» на психологическом факультете Университета. Это была предельно маленькая по площади комнатка, в которой помещались только столик со спиртовкой и обтянутый тёмно-зелёным плюшем диван.

Наступал первый вечер дежурства. Вскипятила на спиртовке чай, погасила лампы дневного освещения в подвале. Они потом страшно бухали, остывая. Внизу был большой подвал, в котором размещалась фотолаборатория.

Перевалило за полночь. Пора и прилечь. Но что это?! Из всех складок такого уютного, на первый взгляд, диванчика прямо на меня поползли мерзкие твари. Клопы! Их я тогда увидела в первый и последний раз в жизни. Фу, гадость!..

Это сейчас, по прошествии времени, такие подработки с клоповыми диванчиками вспоминаются не иначе, как с улыбкой. А тогда после бессонной ночи предстояло отсидеть несколько пар на лекциях, и мне было совсем не смешно.

Палата №6

После окончания учёбы меня направили на работу в Выборг. Этот город был для меня как мечта, как тайна. Неужели он примет меня? — радовалось сердце.

Газета, в которой мне предстояло трудиться, называлась «Выборгский коммунист». Редакция занимала всего один этаж старого, ничем не примечательного здания на улице Мира. Несколько тесных комнатушек. Одну из них местные остроумцы прозвали «Палатой номер 6». На двери висела табличка «№6», а внутри, не покладая рук (пера!), сочиняли свои репортажи корреспонденты: Вася Колотов, Петя Киселёв, Ира Иванова, Светлана Яковенко. Добавилась к компании и я.

Нетрудно представить, какая царила здесь атмосфера, если учесть, что у каждого из нас на столе то и дело трезвонил телефон. Или мы сами судорожно крутили диски аппаратов — газета была ежедневной и, кроме того, существовал план сдачи положительной информации. По три заметки с каждого из нас — минимум. И это при том, что успешными на весь район были как раз три предприятия: Глебычевский керамический завод, Выборгский судостроительный и приборостроительный заводы.

Время от времени в нашу «палату №6» забежал редактор — Стрыгин Алексей Дмитриевич. Замерев в дверном проёме и окидывая цепким взглядом «электорат», выбирал жертву. После чего коротко бросал одному из нас: «Зайди ко мне!». Это означало, что босс «проголодался» и готов «кушать» свою жертву. Как? А просто: закрыв поплотнее дверь своего кабинета, честил бедолагу, на чём свет стоит. За что? Но ведь начальник всегда найдет, за что...

Спустя какое-то время, он самолично доставлял жертву на прежнее место, удовлетворённо (и благодарно даже!) потирая руки. В принципе, он был не злой человек. Несчастный просто. Правда, меня он никогда по такому поводу не вызывал. Наоборот: покровительствовал как младшей, как дочери.

В фильме «Служебный Роман» с едким сарказмом показаны особенности препровождения рабочего времени в женском коллективе. И наш женский коллектив не только гонялся за передовыми корреспонденциями, но и с воодушевлением обсуждал новости периодики, фильмы... Светлана Яковенко, например, активно участвуя в общем разговоре, могла при этом строчить заметку! Лихо и продуктивно. Я так не умела и большинство своих материалов писала дома, в тишине и спокойствии.

Однажды к нам — почти по прямому назначению кабинетной вывески — заскочил какой-то встрёпанный мужичишка, за которым гнались санитары. Да-да! Как уж там у них вышло — не знаю, но факт остаётся фактом: к нам, в «палату №6» влетел сбежавший псих. Он стремительно бросился прямо к моему столу, стоявшему с края у входа, и стал мне в лицо тыкать каким-то тетрадками. Чего он хотел? Откуда взялся? Бог его знает. Только бедолагу тут же скрутили и увели. И тетрадки забрали.

Обстоятельства так сложились, что в редакции газеты «Выборгский коммунист» я проработала всего лишь год. Вышла замуж за Николая Гоголя. Переехала к мужу в посёлок Прибылово, что на самом берегу Финского залива. Родился сын Антоша. Куда с маленьким?

Тем не менее, при распределении муниципальных квартир редакция выделила мне, как молодому специалисту, квартиру-студию. Как будто там знали, что я ещё вернусь к ним, стану выпускающим редактором...

Крокодилы и муравьи

А пока на горизонте появилась следующая каморка — Прибыловская сельская библиотека. Выборг как будто остался в прошлом. И журналистская карьера тоже.

Старый, финский, двухэтажный, продуваемый всеми ветрами деревянный дом. На первом этаже — две комнатки — библиотека. За перегородкой — медпункт. На втором этаже — пустота и сквозняк.

Летом — красота! Двери нараспашку, травы кругом, залив искрится! А зимой... Зимой вода замерзала в вёдрах, и градусники лопались. Антона я брала с собой — сыну всего четыре года, одного дома не оставишь. К концу дня, устав мёрзнуть, мы с ним сидели, обняв круглую печь, выкрашенную серебрянкой, ожидая конца работы. Я считала часы, минуты, когда уже можно будет повесить на дверь замок и бежать, бежать домой. Зимой всё равно никто к нам не заглядывал. Основными клиентами были дачники, приезжавшие в Прибылово на лето.

Антон считал себя полноценным библиотечным сотрудником. Я давала ему старые журналы, какие-то книги учёта, в которых он рисовал, что-то записывал. В общем, работал. Пришли как-то читатели и спрашивают: «У вас есть „Крокодилы“?». Имелась в виду подшивка сатирического журнала «Крокодил», популярного в то время. «Нет! — с готовностью отвечал Антон. — Крокодилов у нас нет, есть только муравьи!».

Действительно, какие-то крылатые твари тогда вывелись у нас под умывальником, и Антон с интересом наблюдал за ними.

МЖК

В 1989-ом умер Николай. Все скрутилось в тугой узел: нужно было добывать средства к жизни, оформлять документы на дом (длинная история!), подоспел Антошин первый класс, переезд в Выборг... В общем, надо было учиться выживать самостоятельно.

Светлана Яковенко, с которой мы когда-то сидели рядом в «палате №6», помогла мне найти работу в МЖК.

Что такое «МЖК»? Это — «Молодежный Жилой Комплекс». До сих пор для меня это некая загадка. В общем, так. Предприятие выделяло средства на строительство жилых домов для молодых специалистов. Строить их должны были сами эти специалисты, которые были совсем не специалистами-строителями, а, например, судостроителями, медиками, учителями. Эта бодяга и называлась «МЖК».

Возглавлял «Комплекс» некто Саша Мандельштам. Как распределялись будущие квартиры — тёмное дело. Куда текли денюжки — темнее-тёмного. О качестве строительства лучше вообще не говорить. Первый дом получился слегка кособоким.

Народ вокруг данного предприятия собрался самый разный. Молодые деловые ребята вроде Алексея Набатова (комсомольский босс) и его дружка Семёна Халявина. Это — сливки. Они — первые в очереди. Были также обиженные и отвергнутые. Так, наивная, близорукая толстушка-педагогиня Саша Зайцева долгое время буквально не давала мне проходу, памятуя мое журналистское прошлое. Забрасывала меня кучей жалоб (её как-то там обделили при распределении квартир или вообще выкинули — не помню уже). Но чем я могла ей помочь? Чем?!

Обсчитывал стройку экономист Арнольд Максович Загайнов. Его жена — в прошлом актриса местного театра Жасмина Яковлевна Царёва — возглавляла методический совет МЖК. Меня устроили к Жасмине в Штаб МЖК — рекламировать молодёжную работу, что я и делала: рисовала плакаты, писала в газету и выступала по радио.

Штаб МЖК находился в дряхлом двухэтажном домике с низкими грязными окошками, с паутиной по углам. Сущая каморка номер следующий! Как только в затхлой её тесноте все уместались?! И я со своими плакатами, и Саша-начальник (кстати, позже его через СМИ разыскивала областная прокуратура!), и Арнольд с Жасминой, и какого-то весьма потрепанного вида сморчок-прораб, который суетливо всё считал и подсчитывал, исчезал и внезапно вновь появлялся. Мандельштам, помню, всё спорил, спорил с ним, красный и потный.

Перед нашим Штабом неизбежно простиралась огромная лужа. Приходя сюда после школьных занятий, Антон пускал в ней самодельные кораблики. А я смотрела на него из окошка и думала: «Надолго ли всё это?..». Не верилось, что бывает другая жизнь, красивая, радостная...

«Выборгская жизнь»

Как в сказке о рукавичке, в один момент разбежались все из МЖК.

Не помню теперь уже, кто пригласил меня на работу в редакцию газеты «Выборгская жизнь». Это был орган Выборгского райкома КПСС. Орган! Вот словечко-то! Ещё не лучше: член! Сплошные члены и органы, чтоб им пусто было! Я упиралась. В гробу я видала вашу КПСС! Ну, ведь тошно же! Точно!

— Забудь о политике, — успокоил меня редактор газеты Борис Зуев, — будешь писать только «социалку».

И я согласилась.

Но позвольте, скажете вы, какая же это каморка? Всё же редакция газеты...

Вот именно! Здравствуй, моя новая каморочка!

Когда-то здание, где тогда размещалась редакция, занимал один из самых престижных в финском Выборге Объединенный банк северных стран. Великолепный образец северного модерна, шестиэтажный гранитный дворец с прекрасными интерьерами, каминами... В советское же время апартаменты эти были поделены между кучей различных служб. Былое величие сильно обветшало. Ободранный линолеум на полу в коридоре... Темень закоулков...

Наша редакция занимала всего одну комнату на шестом этаже, в которой стояло три стола, и всегда почему-то было очень холодно. Пусто и холодно. Я писала на всевозможные социально-культурные темы, Зуев вёл политическую тематику, машинистка Надя строчила на машинке. Саша Третьяк делал фото. Особенно любил снимать пары сросшихся березовых стволов — получалось, будто женские обнажённые тела ногами вверх с темным уголком посередине.

Что ещё примечательного было в той каморке? Правой рукой Зуева была Елена Николаевна Рождественская, первая жена Роберта Рождественского. После скорой смерти Зуева она стала главным редактором газеты.

А потом случился путч. Наша «Выборгская жизнь» в одночасье стала органом «Выборгской свободной биржи» (ВСБ), которую возглавил некто Анатолий Трефилов. При этом все, как один, бывшие коммунисты из райкома перекочевали на эту биржу, влёгкую сменив и кормушку, и принципы свои, которых, как оказалось, и вовсе не было!..

Почтальоны

И тут я вдруг поняла: больше не могу — опротивело всё! И газета, и квартирка наша на Первомайской с вонючей водой из-под крана, и Антошина школа, из которой он приходил, словно изжёванный и вообще никакой, и убогая эта, завравшаяся редакция... Спросила сына: «Хочешь в Прибылово?». — «Очень! Очень хочу!».

Купили щенка овчарки, захватили с собой кошку Фаню, одеяла-подушки — поехали.

А работать — где? Уже и библиотеки той прибыловской нет. И много чего ещё... Но есть, например, ...почта. Был канун Нового 93-го или 94-го года. Работы много — взяли. Почтальоном. Рассказали, что да как, показали рабочее место — зарешёченная угловая комнатка на первом этаже типовой пятиэтажки площадью два на два.

Привет, очередная моя каморочка! Что-то ты для меня приготовила?

На селе, ввиду отсутствия других развлечений, была очень популярна советская периодика. Выписывали «Правду», «Известия», «Советскую Россию», «Комсомольскую правду», «Труд», а ещё «Выборгский коммунист» и прочие обманки. Но им верили! Верили! Надеялись на лучшие времена.

Но я сейчас не про политику. Просто из-за тогдашней востребованности прессы сумка моя почтальонская была полным-полнёхонька! Вверху на каждой газетке карандашиком — адрес получателя. Его почтальоны подписывали сами, чтобы адресатов не перепутать. А проживали мои клиенты в нескольких пятиэтажках военного городка и дальнем посёлке Ключевое.

Теперь Ключевое — элитная коттеджная застройка, всё сплошь «шедевры» творческой мысли их владельцев. Каменные заборы вокруг. О! Заборы — это отдельная песня! Тогда же посёлок представлял собой череду деревянных домишек, вытянувшихся вдоль железнодорожной ветки на Выборг.

Поход в Ключевое я оставляла напоследок. Когда была зима или в бездорожье — шла прямо по шпалам. Считая, как в детстве, шаги: чёт-нечёт. Чёт — задуманное желание исполнится. Нечёт — соответственно, нет. Надо добавить, что не только газеты распирали мою сумку, но и пачки новогодних открыток, которые в избытке рассылались родным и знакомым. А ещё — деньги. Рубли, пятёрки, трёшки... Это были пенсии. «Принесла — получите — распишитесь — пожалуйста — до свидания!..». Один раз меня угостила пирожком бабуля, Анфиса Михайловна. В другой раз какая-то старушка предложила за услугу пять копеек.

Однажды случился казус: я перепутала получателей пенсий! Кислёвой Анне выдала деньги, предназначенные Кисёлевой Марии. А суммы-то были разные! Анна при этом обрадовалась: пенсию повысили! А Мария недоумевала: отчего это пенсия вдруг уменьшилась? Слава Богу, вскоре во всём разобрались и без эксцессов обменялись денежными суммами.

На самом краю посёлка, куда было ещё топать и топать, жила питерская дачница, которая выписывала «Ленинградскую правду». И вот эту тонюсенькую одинокую «правду» мне нужно было туда доставлять. Честно признаюсь, когда не было сил тащиться в такую даль, я халтурила: приносила на следующий день обе газеты, и тогда дачница мне выговаривала...

Домой я добиралась к вечеру. Опять по шпалам. Буквально — «язык на плече».

Здесь же хочу мимоходом вспомнить свою коллегу того времени — почтальона Анну Степановну Терёхину. Жила её семья рядом с нами в неказистом обветшалом доме. Неинтересная внешне, она имела особый Божий дар: неизменно доброжелательное расположение к людям и чудесный ласковый голос. Обихаживала мужа и двух сыновей — Валерия и Серёжу. Вела хозяйство. Когда Анна Степановна шла на луг пасти корову — всегда брала с собой книжку. И что, вы думаете, она читала? Однажды я подглядела: «Евгений Онегин» (!). В следующий раз: «Манифест коммунистической партии».

Вот такие мы были почтальоны!

Гоголь и Пушкина

Прошли годы. Умерли родители, вырос сын. У меня уже был другой муж, Владимир. Решили: нужно возвращаться в Выборг. Купили двухкомнатную квартиру. Переехали.

На горизонте вновь замаячила библиотека. На этот раз в филиале пединститута имени А. Герцена. Тогда, как грибы после дождя, один за другим повсеместно стали открываться филиалы ВУЗов. Бывшие подвалы, какие-то подсобки вдруг расцветали вывесками: Институт, Университет, Академия!

Быстренько расформировав в Выборге детский интернат, деловой человек из Питера Владимир Шабес открыл в его помещениях филиал пединститута. Одну из типовых кирпичных пятиэтажек приспособил под учебный корпус, другую — под общежитие. Присутствовало на здешней территории ещё одно здание — кособокий хозблок. Вот в нём-то на первом этаже и открыли библиотеку. Изнутри пластиком обшили, линолеум на пол бросили и... Правильно вы догадались: и я тут как тут!

Познакомилась, а вскоре и подружилась с заведующей библиотекой — Ольгой Михайловной Пушкиной. Мы оказались почти ровесницами. Вместе распахивали по стеллажам учебники, нам катастрофически не хватало места, и книги высокими стопками громоздились прямо на полу.

Вокруг шутили: «Конечно, кому, как не Пушкиной и Гоголь книжками заведовать!».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.